

**ОЦЕНОЧНЫЕ КАТЕГОРИИ И ФОРМУЛЫ В НОРМАТИВНЫХ АКТАХ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА**

Коков Алексей Игоревич

ассистент, юридический факультет КГУ, г. Курган

E-mail: kokov-postbox@yandex.ru

Представление о праве как о собрании объективно выраженных в законодательстве и прочих источниках норм сегодня не вполне отвечает реальности. Такое объяснение права, как отмечает К.В. Арановский, «есть общепринятая и во многих отношениях полезная условность». Отрицательной стороной такой условности является то, что «правопонимание, стеснённое рамками позитивного права, теряет эвристические возможности, хотя поглощённость позитивным правом располагает видеть в законодательстве всё, что нужно для права» [1, с. 16].

Использование оценочных категорий в праве всегда немного умаляло чистый позитивизм и порождало диспут о необходимости разграничения «законной» и «незаконной» практики оптимизации законодательного регулирования [4, с. 187] и применения права.

Некоторые аналитики-цивилисты обращают внимание на унификацию законодательства посредством включения в текст нормативных правовых актов ещё и формул. Это способствует установлению субъективизма в толковании норм правоприменителем, а значит – ограниченности формально общими критериями. Каждый нормативный акт содержит обязательную структуру и внутреннее содержание: первая – формализует право, второе – обеспечивает вариативность мышления как законодателя, так и реализатора права. Эта вариативность всё же должна иметь пределы.

Границы государственного воздействия рассматриваются с двух сторон: возможности и необходимости.

Верхняя граница правового регулирования общественных отношений (возможность вмешательства) является пределом допустимого. Отношения, находящиеся за ним, расположены вне досягаемости государственной власти, и регулируются иными явлениями (природные факторы, закономерности общественного развития, уровень экономики и т.д.).

Нижняя же граница (необходимость вмешательства) определяется важностью для государства тех или иных общественных отношений. Этот предел является наиболее «шатким», т.е. может отодвигаться, открывая дополнительные области для регулирования.

В конечном счёте, выяснение возможности и необходимости обретает суть перехода «не сугубо правовых норм» в сферы законодательного и правореализационного регулирования, что влечёт проблему, так называемого, «нарушения эквивалентности объёмов знаний участников правоотношений» путём расширения диспозитивности до максимума.

Все оценочные категории сегодня уже классифицировали по основанию – источник, в котором они впервые были закреплены [4, с. 186-192]:

1. прямо упомянуты в ГК РФ (достаточные основания – п. 4 ст. 26 ГК РФ, физические и нравственные страдания – ст. 151 ГК РФ, заботливость и осмотрительность – ст. 401 ГК РФ);

2. включены в договоры или в решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов (черта, выгода, характер взаимоотношений);

3. использованы в решениях Конституционного суда Российской Федерации (реальность затрат, деловая цель сделки, воспрепятствование контролю, недобросовестность).

Однозначного понимания этих категорий не существует. Оценочные категории, как отмечает А. Золотарёва, можно подвести под формулу «очень похоже (хотя достоверно и не доказано), что сделка была незаконной» [3, с. 47].

Все оценочные категории находятся в нравственно-этической сфере жизни, однако, как мы знаем, не всё, что закрепляет мораль, регулируется правом. Отсюда, и содержательное наполнение определений оценочных понятий различно.

Стоит заметить, что среди структурных элементов юридического текста сегодня особенный интерес правоведа представляют правовые формулы. Они «пронизывают» главы ГК РФ и способствуют либо идентификации конкретного вида правоотношений посредством однократного упоминания, либо доказывают тождественность гражданско-правовых институтов постоянной повторяемостью.

Идентификации правоотношений способствуют такие формулы как:

- «услуга не предусмотрена» (п. 1 ст. 737 ГК РФ);
- «входит в понятие» (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17 ноября 2004 года № 85);
- «наиболее выгодные условия (для комитента)» (абз. 1 ст. 992 ГК РФ);
- «несоблюдение формы влечёт» (ст.ст. 159, 162 ГК РФ);
- «хорошая кредитная история» (п. 2 ст. 857 ГК РФ, Федеральный закон от 30 декабря 2004 года № 218-ФЗ «О кредитных историях»);
- «проценты на проценты» (ст.ст. 809, 811 ГК РФ);
- «недостаточно (недостаточна) для удовлетворения требований» (абз. 2 п. 4 ст. 61, п. 5 ст. 358 ГК РФ);
- «ссылка на ограничение прав товарища» (п. 3 ст. 1044 ГК РФ);
- «отступление от указаний (доверителя, комитента)» (ст.ст. 973, 995 ГК РФ).

Тождественность институтов доказывают формулы:

- «заключению договора предшествуют организационные отношения» (всем видам договоров, например, ст. 786 ГК РФ);
- «акцепт оферты» (п. 2 ст. 432 ГК РФ);

- «руководствоваться принципами добросовестности и разумности» (п. 3 ст. 602, ст. 662 ГК РФ);
- «при определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости» (абз. 1 п. 2 ст. 1101 ГК РФ);
- «привлечь к исполнению третье лицо» (п. 1 ст. 770 ГК РФ);
- «правила договора могут применяться к договору» (ст.ст. 822, 961, 1054 ГК РФ);
- «так, как если бы лицо осталось участником договора» (ст. 1053 ГК РФ);
- «отказ от права отказаться ничтожен» (п. 2 ст. 731, п. 2 ст. 977 ГК РФ);
- «условия о предмете» (все договоры);
- «право на отказ от исполнения» (ст. 1004 ГК РФ).

Интересна природа коллизионных привязок в международном частном праве. Однако сводить формулы и привязки к одной природе нельзя. Отечественное международное коллизионное право исходит из принципа «полистатутности», согласно которому каждый из компонентов правоотношений подчиняется «своему» правопорядку с точки зрения используемых «формул прикрепления» [2, с. 199].

Особенность же формул, которые рассматриваем мы, заключается в их наличии и сопоставлении внутри одного правопорядка и единого для России акта – ГК РФ.

Проблемы рассматриваемых нами тенденций к расширению включения оценочных категорий и формул в нормативные акты гражданско-правового характера заключены в следующем:

1) отсутствие дефиниций. Понятия определяются через понятия того же рода;

2) не устранены противоречия в применении их в различных контекстах даже однородных актов (например, в решениях судов различных субъектах Российской Федерации);

3) сложность защиты интересов в порядке обжалования актов в силу отсутствия возможности сослаться на единый терминологический образец, либо на фиксированную градацию (соотношение) степеней нарушения права с их материальной (денежной) оценкой.

Данной работой мы лишь указали на доктринальное наличие рассматриваемых явлений. Само по себе использование в нормах таких оценочных понятий, как «разумность» и «справедливость» в качестве требования, которым должен руководствоваться суд при определении размера компенсации (в т.ч. морального вреда), не свидетельствует о неопределенности содержания норм и не приводит к какому-либо неравенству при их применении, поскольку правовое предписание не препятствует возмещению вреда гражданину в случаях, предусмотренных законодательством [5].

Однако только разработкой методов, которые способны ликвидировать данные проблемы (разработка единого терминологического словаря, создание примерных оценок вреда, стремление к единообразному толкованию и применению правил и т.д.), можно остановить данную тенденцию, которую мы не относим к числу благотворно влияющих на право.

Список литературы:

1. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. – СПб.: Издательство «Юр.центр Пресс», 2003. – 476 с.
2. Афанасьев С.Н. Коллизионные вопросы наследования в МЧП РФ: Челябинск, 2001. – 244 с.
3. Золотарёва А. Немецкая доктрина добросовестности налогоплательщика // Налоговед, 2005. – № 6 – 121 с.

4. Меркулова М.А. Практика использования оценочных категорий в налоговом праве // Судебная и правоохранительная системы: проблемы и перспективы развития в современной России: Материалы V Межрегиональной научно-практической конференции. – Екатеринбург: ИД «УрГЮА», 2007. – 98 с.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2004 года № 276-О